

он употреблялся; не мог не изменяться при этом и лексический состав фразеологизма. Намечается, как будет показано ниже, два стилистических плана в использовании фразеологизма. Первый преимущественно в текстах поэтического характера. Морская лексика употребляется здесь не ради того, чтобы создать реалистический морской пейзаж или нарисовать образ моряка в обычной для него трудовой корабельной жизни. «Бросить якорь» не значит здесь «остаться жить на данном месте». Сочетаясь со словами книжными, отвлеченными, «бросить якорь» переосмысливается, помогает характеристике внутреннего мира человека, при этом человека, необязательно связанного с морской профессией. Позже возникает другой стилистический план. «Бросить якорь» употребляется без обычной морской лексики и попадает в тексты с конкретной, живой, разговорной речью; здесь фразеологизм уже не является элементом внутренней характеристики человека, а говорит о перемене условий его жизни, означает «осесть, остаться на постоянное местожительство»; при этом он может относиться не только к моряку, но и к любому другому персонажу; значение фразеологизма становится более конкретным. Смена одного стилистического плана другим приходится на середину XIX в., когда реалистическая художественная литература достигает полного развития.

Трудно найти употребление разговорного «бросать (бросить) якорь» с бытовым значением в языке высокой поэзии XVIII в. Г. Р. Державин предпочел использовать «стать на якоре», т. е., в сущности, взял значение терминологического «бросить якорь», но расширил словосочетание, наделив его новой семантикой: «Но тот блаженнее, кто в тихом Заливе совести почив, Не загружен добром, ни лихом, Страстей ветрила опустив, Ума на якоре глубоком Стал в чолне и спокойным оком На суету мирскую зрит». Г. Р. Державин. На новый 1798 год. Соч., ч. II, 1808, стр. 63. Залив, ветрила (паруса), челн, якорь — вся эта конкретная лексика смело перемешана с абстрактной: залив совести, ветрила страстей, якорь ума. Все подчинено задаче характеризовать внутренний мир человека. Текст насыщен инверсиями, переведен в интеллектуальный план; трудно и определить, что собственно означает риторическое «ума на якоре глубоком стал в чолне». Все метафоры, сменяющие одна другую, предлагают человеку, вступающему в новый год жизни, утвердиться в поведении, отвечающем правилам добродетельной морали. Державинское «на якоре стать» мало чем напоминает семантику разговорного «бросить якорь».

Иная переосмысленность наблюдается в языке Н. М. Карамзина. По-видимому, именно он первым использовал фразеологизм «бросить якорь» в языке художественной литературы. Метафора встретилась в «Письмах русского путешественника»: «Зависть воздвигала бури против моего славного и добродетельного супруга, но он с чистою душою смело стоял на корме, крепко держался за руль совести, рассекал волны, спасся от кораблекрушения, в глубокую осень жизни своей бросил якорь и вышел на тихий берег уединения». Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника, ч. VI. М., 1801, стр. 311—312. «Бросить якорь» у Н. М. Карамзина поставлено среди других названий: буря, волны, корма, руль, кораблекрушение; вся эта лексика служит художественной обрисовке характера честного и смелого капитана, до конца выполнившего свой высокий долг. Характеристика моряка дана его супругой. Текст почти без всяких инверсий, однако абстракция совсем не исчезла: руль совести, берег уединения. Но «в глубокую осень жизни своей бросить якорь» приобретает совершенно ясный смысл: «оставить морскую службу в глубокой старости».